

Екатерина Мордвинцева

*Шепот ветра
на губах*

Екатерина Мордвинцева

Шепот ветра на губах (книга 1)

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Шепот ветра на губах (книга 1) / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Олег Ковалёв построил успешную компанию, но так и не научился доверять людям после предательства лучшего друга. Его личная жизнь — сплошное разочарование для матери, мечтающей о внуках. Всё меняется, когда в его руки падает пьяная девушка, которая кричит, что не отдаст свою жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Стеклянная стена переговорной выходила на запад, и теперь, ближе к четырём часам, солнце превратило кабинет в раскалённую клетку. Олег стоял у панорамного окна, заложив руки за спину, и смотрел на бесконечные башни делового центра, на мелкие фигурки людей внизу, на ленту шоссе, уходящую за горизонт. Всё это когда-то казалось ему вершиной. Теперь — только клетка.

— Олег Викторович, мы можем утвердить эскизы? — голос главного архитектора проекта прозвучал неуверенно, словно он боялся спугнуть начальника.

Олег не обернулся. В отражении стекла он видел длинный стол, за которым сидели четверо его сотрудников с планшетами и ноутбуками. Их лица выражали смесь усталости и надежды, что шеф наконец вынесет вердикт.

— Утвердить, — коротко бросил Олег. — Но внешние фасады переделать. Слишком холодно. Я не хочу, чтобы это здание напоминало саркофаг.

— Но заказчик настаивал на минимализме...

— Заказчик нанял нас, потому что у него нет вкуса. — Олег развернулся, прошёлся вдоль стола, и от его шагов по паркету повисла тишина. — Мы дадим ему элегантность, а не ледяную коробку. Добавить тёплого дерева в облицовку, больше света. Сделайте так, чтобы люди хотели туда войти. Всё.

Сотрудники закивали, зашелестели бумагами. Один из молодых архитекторов, недавний выпускник, осмелился задать вопрос:

— А как же сроки? Если менять фасады, мы выходим за график.

Олег посмотрел на него долгим взглядом. Мальчишка ещё не понимал главного правила: в их деле качество важнее сроков, а хорошая репутация — важнее сиюминутной выгоды. Но объяснять это сейчас не было ни сил, ни желания.

— Сроки согласуем. Идите работайте.

Когда дверь за ними закрылась, Олег опустился в кресло, потёр переносицу. В ушах всё ещё стоял гул чужой суеты — телефонные звонки, совещания, бесконечные согласования. Его собственная компания «АРХ-Дом» выросла из маленького бюро в одного из лидеров рынка загородного строительства, но платой за этот успех стали нервы, бессонница и чувство, что он постепенно превращается в механизм, который только и делает, что переваривает чужие желания.

На столе завибрировал телефон. Олег бросил взгляд на экран: мама.

— Привет, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Олеженька, ты сегодня к нам приедешь? Отец спрашивал.

— Мам, я же сказал, на этой неделе занят.

— Ты всегда занят. — В её голосе послышалась привычная обида. — Мы тебя уже месяц не видели. И потом, я хотела познакомить тебя с... с одной девушкой. Очень милая, из хорошей семьи, её папа...

— Мама, — Олег перебил её, хотя знал, что это бесполезно. — Не надо.

— Что «не надо»? Тебе тридцать два года, а ты всё один. Я волнуюсь.

— Я сам разберусь со своей личной жизнью.

— Разбираешься ты уже пять лет с тех пор, как вы расстались с этой... — Она запнулась, не решившись произнести имя вслух. — Ладно, не будем. Но ужин в субботу, я жду.

— Посмотрим.

— Олег!

— Ладно, ладно. Приеду.

Он сбросил вызов и откинулся на спинку кресла. Разговор с матерью всегда оставлял неприятный осадок. Она была из тех женщин, которые считают своим долгом осчастливить сына, даже если он этого не просит. И её настойчивые попытки сосватать ему «подходящую» невесту давно превратились в ритуал, от которого хотелось бежать без оглядки.

Олег перевёл взгляд на часы: без пятнадцати пять. Можно было ещё ответить на письма, проверить отчёты, но сегодня он почувствовал ту самую тошнотворную усталость, когда любой контакт с работой вызывает отвращение. Он резко поднялся, сунул в карман ключи от машины, накинул пиджак. Секретарша удивлённо посмотрела ему вслед — шеф редко уходил раньше восьми.

— Елена, я сегодня не вернусь. Все вопросы перенаправляйте на завтра.

— Хорошо, Олег Викторович.

В лифте он снял галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Зеркальная шахта опускала его с тринадцатого этажа на подземный паркинг, и каждый метр этого пути словно сбрасывал с него слой городской пыли. Чёрный внедорожник ждал на своём месте, пахнувший кожей и кондиционером.

Олег выехал на набережную, где поток машин уже начал сгущаться в вечернюю пробку. Он не поехал домой, в свою квартиру в центре, с которой открывался вид на набережную, на сверкающие огни и вечное движение. Не поехал и к родителям, хотя обещал. Вместо этого он свернул на трассу, ведущую к южной оконечности города, туда, где высоты сменялись сосновым лесом, а асфальт превращался в грунтовку.

Это был его ритуал, о котором никто не знал. Даже мать считала, что сын в свободное время сидит в спортзале или встречается с друзьями. На самом деле друзей, которым можно было бы рассказать о своей усталости, у Олега почти не осталось. Были партнёры по бизнесу, были знакомые по университету, но все они видели в нём успешного, собранного, немного циничного мужчину, у которого всё под контролем.

Никто не знал, как иногда по ночам его накрывало чувство пустоты, когда он лежал в огромной постели и слушал, как за окном шумит мегаполис. Никто не знал, что он до сих пор помнит вкус морской соли на губах и крики чаек над причалом, где он пропадал мальчишкой.

Дорога вилась между скал, поросших низким кустарником. Олег опустил окно — в салон ворвался ветер, пахнувший хвоей и нагретым камнем. Он любил этот запах. Любил этот путь, который с каждым километром уводил его всё дальше от того, кем он был в городе.

В детстве здесь, на этом самом побережье, стояла старая база отдыха, где его дед работал механиком. Каждое лето Олег проводил там, с утра до ночи пропадая на пляже, забираясь на скалы, исследуя каждый закуток. Дед научил его различать голоса чаек, находить съедобные ракушки, не бояться высоты. А ещё — любить тишину.

— Смотри, — говорил дед, указывая на горизонт, — море не терпит суеты. Оно принимает тебя таким, какой ты есть, если ты умеешь слушать.

Тогда Олег слушал. И сейчас, когда жизнь стала слишком громкой, он возвращался сюда, чтобы вспомнить, как это делается.

Внедорожник остановился у кромки леса. Дальше дорога обрывалась, и к пляжу вела только узкая тропа, которую знали немногие. Олег вышел из машины, перекинул через плечо чехол с гитарой — ещё одна привычка из детства, когда дед наигрывал ему мелодии на старой семиструнке. Теперь Олег сам научился играть, не слишком виртуозно, но достаточно, чтобы выразить то, что не выражали слова.

Тропа вилась между камней, спускалась к морю. Чем ближе становился звук прибоя, тем легче делалось на душе. Он чувствовал, как напряжение покидает плечи, как замедляется пульс. Здесь, на этом диком пляже, доступ к которому был затруднён, он мог позволить себе быть просто человеком, а не владельцем архитектурного бюро, не сыном, не мужчиной, от которого ждут семейного продолжения.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая скалы в рыжий и золотой. Волны мерно накачивали на гальку, и этот звук — размеренный, вечный — действовал успокаивающе. Олег устроился на большом плоском камне, который за долгие годы стал его любимым местом, достал гитару.

Пальцы сами нашли струны. Мелодия родилась не сразу — сначала он просто перебирал аккорды, позволяя рукам вспомнить то, что не получалось забыть. Потом музыка полилась ровнее, и Олег закрыл глаза, отдаваясь её течению. Он не играл ничего конкретного, просто сочинял на ходу, позволяя настроению диктовать ритм.

Он думал о том, как быстро летит время. Ещё вчера, казалось, он был мальчишкой, который бежит босиком по этим камням, а сегодня — уже взрослый мужчина с грузом ответственности, которая иногда кажется неподъёмной. Его компания процветала, его имя значило что-то в профессиональных кругах, у него были деньги, возможности, уважение. Но не было того, ради чего всё это обычно затевается. Не было рядом человека, с которым можно было бы разделить эту тишину.

Бывшая невеста, Алина, ушла три года назад. Ушла громко, с хлопком двери, с обвинениями в том, что он «слишком занят работой», «не умеет чувствовать», «заменяет эмоции бетоном и стеклом». Тогда Олег злился, пытался её удержать, доказывал, что она не права. А потом понял: она была права. Он действительно научился чувствовать то, что от него ждали. Но вместо того чтобы меняться, он просто... закрылся. Ушёл в работу с головой, позволяя себе лишь редкие вылазки сюда, к морю, где чувства возвращались сами собой, без насилия.

Гитара жалобно бринькнула на последнем аккорде. Олег открыл глаза — солнце почти коснулось воды, и в этом свете всё вокруг казалось нереальным, нарисованным. Он отложил инструмент в сторону, потянулся, разминая затекшую спину.

И тут услышал голос.

— И долго ты ещё бренчать здесь собираешься?!

Олег вздрогнул, но не обернулся сразу. Сначала ему показалось, что он ослышался — сюда редко кто забирался, а тем более в такое время. Но голос повторился, теперь уже ближе, и в нём слышалось явное раздражение.

Он медленно повернул голову. Из-за скального выступа, шатаясь, вышла девушка. Тёмные волосы растрепаны, на плече болтается какая-то сумка, в руке — бутылка, содержимое которой уже явно наполовину выпито. Она двигалась неуверенно, спотыкаясь о камни, и при этом продолжала что-то выкрикивать, обращаясь к нему, хотя слова уже плохо складывались в предложения.

— Никакого покоя нет! Думала, хоть тут отдохну от шума, так нет же — и здесь...

Олег молча наблюдал. Девушка явно была пьяна, и её появление здесь, в этом уединённом месте, казалось абсурдным. Но что-то в её голосе — отчаяние, злость, смешанные с обидой — заставило его замереть, не прогонять её прочь.

Она споткнулась, и Олег инстинктивно напрягся. Ещё шаг — и она полетела вперёд, прямо на острые камни.

В следующее мгновение он уже был на ногах. Время словно замедлилось, позволяя ему схватить её за плечо, развернуть, прижать к себе, чтобы удар пришёлся на него, а не на неё. Гитара с глухим стуком упала на гальку, но Олег не обратил на это внимания.

Девушка оказалась лёгкой, почти невесомой. Она вцепилась в его рубашку, пробормотала что-то неразборчивое и обмякла, привалившись к его груди. От неё пахло вином и морской солью, а ещё — какими-то цветами, неуловимыми, но не неприятными.

— Ох, — выдохнул Олег, пытаясь отстранить её, чтобы заглянуть в лицо. — Да от тебя несёт за версту. Ты сколько выпила, что на ногах еле стоишь?

Ответа не последовало. Девушка только сонно мотнула головой и сильнее прижалась к его плечу.

— Эй! — он легонько потряс её за плечи. — Не вздумай отключаться!

Но она уже отключилась. Глаза закрыты, дыхание ровное, на лице — странное выражение, словно во сне она наконец обрела покой, которого так не хватало наяву.

Олег выругался сквозь зубы. Вот так отдых. Вместо того чтобы провести вечер в тишине, он теперь стоял посреди пляжа с бессознательной незнакомкой на руках. И что с ней делать? Вызывать скорую? Но до ближайшей дороги — полчаса пешком по камням. Бросать её здесь — нельзя, мало ли что.

— Чёрт, — пробормотал он, перехватывая её поудобнее.

Девушка снова что-то пробормотала во сне, и в этом бормотании Олегу слышались слова: «Не отдам... жизнь... предатель...»

Он замер, вглядываясь в её лицо. Даже в пьяном сне оно было красивым — правильные черты, длинные ресницы, упрямая складка у губ, которая сейчас разгладилась, делая её беззащитной. Кто она? Что с ней случилось? Почему оказалась здесь, в таком состоянии?

Ответов не было. Оставалось одно — забрать её с собой, дать прийти в себя, а потом разобраться.

Он подхватил гитару, пристроил девушку на плечо — она снова возмущённо замычала, но быстро затихла. Кудрявые волосы волнами струились вниз, скрывая её лицо.

— Да спи ты уже, пьянь подзаборная, — беззлобно проговорил Олег и, уже поднимаясь по тропе, хлопнул её по джинсам. — То-то же.

В ответ — только тихое сопение.

Путь до машины занял больше времени, чем обычно. Камни скользили под ногами, гитара норовила съехать с плеча, а ноша, несмотря на лёгкость, требовала осторожности. Олег несколько раз останавливался перевести дух и каждый раз ловил себя на мысли, что эта девушка — полная противоположность всему, что он привык контролировать в своей жизни. Она была хаосом, свалившимся на голову.

Но почему-то ему не хотелось от этого хаоса избавляться.

В машине он устроил её на заднем сиденье, подложил под голову свой пиджак. Она тут же свернулась калачиком, поджав колени к груди, и стала похожа на ребёнка. Олег сел за руль, завёл двигатель и ещё минуту смотрел на неё в зеркало заднего вида.

— Кто ж ты такая? — спросил он у тишины.

Сонная незнакомка не ответила. Только вздохнула во сне и прижалась щекой к его пиджаку, словно ища защиту.

Олег усмехнулся, включил фары и повёл машину к городу, к своей квартире, где его ждали только тишина и пустота. Но сегодня, кажется, их нарушит кто-то чужой.

Дом отца всегда казался Варе музеем, в котором она была не экскурсоводом, а экспонатом. Белый особняк в престижном районе, идеально подстриженные газоны, фонтан во дворе, который работал даже зимой — всё это было выстроено для демонстрации статуса. Но внутри, за фасадом благополучия, давно поселилась холодная напряжённость, которую Варя научилась чувствовать с детства.

Сегодня она ощутила её с порога, стоило только войти в гостиную. Отец сидел в своём любимом кресле, листая что-то в планшете, но, когда она появилась, отложил его в сторону.

— Ты опоздала, — констатировал он, даже не взглянув на часы. В его голосе не было злости, только спокойная уверенность, что ему принадлежит право диктовать время.

— Пробки, — коротко ответила Варя, проходя к дивану. Она знала, что пробки тут ни при чём — просто не хотела возвращаться домой, зная, что этот разговор рано или поздно состоится.

— Садись.

Она села, сложив руки на коленях, и посмотрела на отца. Сергей Петрович Гордеев, пятьдесят семь лет, владелец строительной империи, человек, который привык, что мир подчиняется его правилам. Даже сейчас, в домашней рубашке, он выглядел так, словно готовился подписывать многомиллионный контракт. Короткая стрижка, волевой подбородок, внимательный взгляд — в нём было что-то от хищника, который никогда не выпускает добычу.

— Как прошла выставка? — спросил он, и Варя насторожилась. Обычно отца не интересовали её проекты. Она занималась дизайном интерьеров, работала с небольшими частными заказами, пыталась выстроить собственное имя, и каждый раз, когда отец спрашивал о работе, это означало, что он собирается предложить ей очередной «выгодный» контракт, от которого нельзя отказаться.

— Хорошо, — ответила она осторожно. — Мой проект для отеля «Северный» получил положительные отзывы.

— Молодец. — Он кивнул, и в этом кивке было что-то снисходительное. — Но я хотел поговорить о другом.

Варя внутренне сжалась. Она знала этот тон — деловой, спокойный, не терпящий возражений.

— Ты знаешь Игоря Вяземского?

— Слышала фамилию. Какая-то строительная компания?

— Верно. «Вяземский-Инвест». Мы с ним недавно заключили партнёрское соглашение по проекту в Сочи. — Отец помолчал, словно давая ей время переварить информацию. — У него есть сын, Артём. Молодой человек двадцати восьми лет, образованный, серьёзный. Он возглавляет филиал в Москве.

В груди у Вари похолодело. Она вдруг ясно поняла, куда он клонит, и от этого понимания стало трудно дышать.

— Папа...

— Дай закончить, — мягко, но твёрдо перебил он. — Артём мне показался очень перспективным. Мы с Игорем обсудили возможность более тесного сотрудничества. Семейного.

— Ты хочешь выдать меня замуж за человека, которого я даже не знаю? — голос Вари сорвался на высокие ноты, но она заставила себя говорить тише. — Папа, это средневековье!

— Это бизнес, — поправил отец. — И не только бизнес. Артём — достойный вариант. В отличие от твоих... предыдущих увлечений, которые заканчивались скандалами.

Варя вспыхнула. Она знала, о чём он говорит — о её студенческом романе с однокурсником, который закончился, когда отец «случайно» встретился с тем парнем и в вежливой форме объяснил, что тот не подходит для его дочери. Парень, конечно, исчез. Как и все последующие.

— Ты не имеешь права распоряжаться моей личной жизнью, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но в нём дрожала обида.

— Я имею право заботиться о твоём будущем, — возразил Сергей Петрович. — Тебе двадцать пять, ты не замужем, у тебя нет постоянной работы, потому что твои «проекты» — это так, баловство. Я не вечен, Варя. Мне нужно знать, что ты будешь в безопасности.

— Безопасности? — она вскочила с дивана. — Или контроля? Ты всегда хотел управлять каждым моим шагом. Сначала запрещал заниматься искусством, потому что «это несерьёзно», потом выбрал университет, теперь хочешь выбрать мужа!

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — его голос стал жёстче. — И иногда для счастья нужно принимать правильные решения, даже если сейчас они кажутся тебе неудобными.

Варя нервно рассмеялась.

— Счастлива? Папа, я даже не знаю этого человека! Как я могу быть счастлива с незнакомцем, которого ты выбрал ради выгодного контракта?

— У вас будет время познакомиться, — отец поднялся из кресла, и теперь они стояли друг напротив друга, как на ринге. — Я не требую выходить за него завтра. Но в следующем месяце мы устраиваем ужин, на котором вы встретитесь. И я попрошу тебя быть любезной и открытой.

— А если я откажусь? — Варя скрестила руки на груди, глядя ему в глаза.

Сергей Петрович усмехнулся, и в этой усмешке не было веселья.

— Ты не откажешься, дочка. Потому что если ты откажешься, мне придётся пересмотреть твоё финансовое положение. И работу над твоим новым проектом для галереи «Арт-Плаза» тоже, боюсь, придётся заморозить. Спонсоры, знаешь ли, не любят вкладываться в тех, кто не ценит семейные ценности.

Варя почувствовала, как земля уходит из-под ног. Проект для «Арт-Плаза» был её мечтой — первой по-настоящему крупной работой, которая могла сделать ей имя. Она вложила в него всё: время, силы, надежды. И отец, конечно, знал об этом. Знал и держал этот козырь в рукаве, чтобы выложить в нужный момент.

— Ты не посмеешь, — прошептала она.

— Посмею, — спокойно ответил он. — Потому что я люблю тебя, Варя. И иногда любовь — это умение настоять на своём, даже когда ребёнок сопротивляется. Ты ещё поблаговаришь меня.

Он повернулся и вышел из гостиной, оставив её стоять посреди комнаты, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

Варя не помнила, как оказалась в своей комнате. Она сидела на кровати, глядя в одну точку, и чувствовала, как внутри нарастает что-то тёмное, вязкое, похожее на отчаяние. Она всю жизнь пыталась быть хорошей дочерью — училась на отлично, поступила туда, куда он сказал, не скандалила, не перечила. Но каждый раз, когда она пыталась сделать шаг в сторону собственной жизни, отец возвращал её на место.

Матери не было рядом уже десять лет — она ушла, когда Варе было пятнадцать, и после развода почти не появлялась. Говорили, что она уехала за границу, вышла замуж, начала новую жизнь. Варя иногда звонила ей, но разговоры становились всё короче, а потом и вовсе сошли на нет. Оставшись одна с отцом, она пыталась найти свой путь, но он неизменно оказывался там же, где и был — в тени отцовских амбиций.

Единственным местом, где она чувствовала себя свободной, была работа. Дизайн стал её убежищем, её способом говорить с миром. Она создавала пространства, в которых людям хотелось жить, дышать, любить. И этот проект для галереи должен был стать её заявлением: я есть, я могу, я стою.

А теперь отец угрожал забрать и это.

Варя встала, подошла к окну. За стеклом темнел сад, подсвеченный фонарями, и за этой идеальной картинкой угадывалась та же искусственность, что и во всей их жизни. Всё под контролем, всё просчитано, всё направлено на поддержание статуса. А где в этом всё место для неё? Для её чувств, её желаний, её права на ошибку?

Мысль пришла неожиданно, но, возникнув, уже не отпускала. Она не может остаться здесь. Не может смириться с тем, что её жизнь расписана по пунктам, как коммерческий проект. Если она не уйдёт сейчас, то никогда уже не решится.

Варя открыла шкаф, вытащила рюкзак. Небольшой, походный — она купила его когда-то для поездки в горы, которая так и не состоялась. Быстро сложила в него самое необходимое: смену белья, зарядку, паспорт, немного наличных, которые лежали в книге на полке. На дно бросила кроссовки. Всё.

Она спустилась на первый этаж, стараясь ступать бесшумно. Отец был у себя в кабинете — оттуда доносился негромкий голос, он разговаривал по телефону. Варя миновала холл, выскользнула в дверь, ведущую в сад, и только оказавшись за воротами, перевела дух.

Ноги сами понесли её вперёд, прочь от идеальных газонов и фонтанов, прочь от дома, который никогда не был ей домом. Она шла быстро, почти бежала, пока не оказалась на набережной, где ветер с моря ударил в лицо, отрезвляя.

Только тогда она остановилась, сжимая в руке бутылку вина — единственное, что успела схватить на кухне, когда никто не видел.

Город шумел. Машины, люди, огни — всё это кружилось перед глазами, но Варя не видела ничего, кроме чёрной глади моря за парашетом. Она открутила пробку, сделала большой глоток. Вино обожгло горло, но она продолжила пить, потому что это было единственное, что могло заглушить боль.

— Почему? — спросила она у ветра. — Почему он не может просто отпустить меня? Почему я должна быть разменной монетой в его сделках?

Ветер не ответил. Только подтолкнул её в спину, словно подсказывая, куда идти.

Варя двинулась вдоль набережной, потом свернула на дорогу, ведущую к скалам. Она не знала, зачем идёт туда. Просто где-то глубоко в памяти жило воспоминание о том, что когда-то, в детстве, мать брала её на один уединённый пляж, куда не доходили чужие взгляды. Там можно было спрятаться, стать невидимкой, перестать быть дочерью Сергея Гордеева.

Она шла, спотыкаясь о корни и камни, пока тропа не вывела её к морю. Здесь было темно, только луна серебрила воду, и в этой тишине отчаяние стало громче. Она прижалась спиной к скале, сделала ещё глоток.

— Никому не нужна, — прошептала она. — Никто не спросит, чего хочу я. Только что выгодно папе.

Слёзы, которые она сдерживала весь вечер, наконец прорвались. Она плакала, не вытирая лица, и пила вино, пока не перестала чувствовать холод. А потом, сквозь пелену, услышала звуки гитары.

Кто-то играл там, на камнях. Мелодия была тихой, негромкой, но в ней было что-то успокаивающее. Варя двинулась на звук, не понимая, зачем, и вдруг увидела его — мужчину, сидящего на плоском валуне. Он не заметил её, увлечённый своей музыкой, и в этом был какой-то покой, которого ей так не хватало.

В ней вдруг проснулась злость. Злость на то, что кто-то может быть здесь, в её убежище, может быть спокойным, когда её мир рушится. Она шагнула вперёд, не чувствуя под ногами камней, и крикнула:

— И долго ты ещё бренчать здесь собираешься?!

Мужчина обернулся, но Варя уже не могла остановиться. Слова лились потоком, в них было всё: и обида, и ярость, и бессилие. Она кричала, не разбирая смысла, и ей казалось, что она кричит не ему, а отцу, всем, кто когда-то решал за неё.

Она не заметила, как споткнулась. Земля ушла из-под ног, и в следующее мгновение она уже летела вниз, к острым камням, и почему-то не испугалась. Пусть. Всё равно.

Но падения не случилось. Сильные руки подхватили её, прижали к чему-то твёрдому и тёплому, и этот контакт с живым теплом вышиб из неё остатки сознания.

Последнее, что она запомнила, прежде чем провалиться в темноту, — голос, бормочущий что-то недовольное, и запах моря, смешанный с чем-то мужским, надёжным.

— Эй! Не вздумай отключаться!

Но она уже отключилась. И впервые за этот вечер ей стало спокойно.

Глава 2

Солнце уже наполовину ушло за горизонт, и в его прощальных лучах каменистый берег казался вырезанным из янтаря. Олег сидел на своём любимом валуне, перебирая струны, и чувствовал, как напряжение последних недель постепенно стекает с плеч, уходит в землю, растворяется в рокоте прибоя. Он играл что-то простое, почти детское — мелодию, которую когда-то наигрывал дед, и в этом возвращении к корням было что-то целительное.

Пальцы сами вели аккорды, не требуя контроля. Олег закрыл глаза, позволяя музыке вести его, и на мгновение ему показалось, что он снова мальчишка, что сейчас дед окликнет его с веранды: «Олежка, иди уху пробовать!» — и нужно будет бежать, спотыкаясь о горячую гальку, обжигая пятки.

Он почти улыбнулся этому воспоминанию, когда тишину вечера разорвал чужой голос. — И долго ты ещё бренчать здесь собираешься?!

Олег вздрогнул, пальцы соскользнули со струн, и гитара издала нестройный, жалобный звук. Он обернулся на голос и увидел её — девушку, которая вынырнула из-за скального выступа, словно призрак, вызванный сумерками.

Сначала он подумал, что обознался. Сюда, на этот дикий пляж, редко кто забредал, а тем более в такое время и в таком... состоянии. Девушка двигалась неуверенно, переставляя ноги так, будто каменистая земля под ней ходила ходуном. Тёмные волосы растрепались, падали на лицо неровными прядями. В одной руке она держала бутылку вина — уже наполовину пустую, судя по тому, как бесшабашно она ею размахивала. На плече болтался рюкзак, явно не предназначенный для городской жизни.

Олег не ответил сразу. Он просто смотрел, как она приближается, спотыкаясь о камни, и в её походке было что-то отчаянное, почти вызывающее. Это была не просто случайно забредшая выпивоха — в ней чувствовалась порода. Даже сейчас, растрёпанная и пьяная, она держалась с какой-то странной гордостью, словно бросала вызов всему миру, включая его, с гитарой на камне.

— Я к тебе обращаюсь! — крикнула она, остановившись в нескольких шагах. Голос у неё оказался звонким, с хрипотцой, но в нём слышалась не только злость. Там была боль. Настоящая, свежая боль, которую вино не могло заглушить, а только обостряло.

Олег медленно отложил гитару в сторону, поднимаясь на ноги.

— Слышу, — спокойно ответил он. — Только не понял, в чём проблема. Я здесь первый раз за месяц.

— Первый раз! — насмешливо передразнила она. — А мне какое дело? Я сюда пришла тишину найти, а тут... музыкант нашёлся! Со своим бренчанием!

Она сделала шаг вперёд и пошатнулась, но удержалась, вскинув руку с бутылкой для равновесия. Вино плеснулось через край, тёмными брызгами упало на камни.

— Аккуратнее, — Олег сделал шаг к ней, но она отшатнулась, словно от удара.

— Не подходи! — выкрикнула она. — Ещё один мужик, который будет указывать, что мне делать. Стоять там, сидеть тут, идти замуж туда... — Она запнулась, и в её глазах блеснуло что-то влажное. — Все вы одинаковые.

Олег поднял руки в примиряющем жесте, но не отступил.

— Я не собираюсь тебе указывать. Просто здесь камни острые, упадёшь — больно будет.

— А мне уже больно, — неожиданно тихо сказала она, и эта тишина прозвучала громче её криков. — Очень больно. И вино не помогает, и тишина не помогает, и этот чёртов пляж, куда я как дура попёрлась, потому что мать когда-то... — Она замолчала, прикусила губу, и Олег увидел, как по её щеке скатилась слеза, которую она тут же смахнула злым, резким движением.

— Давай я провожу тебя, — предложил он мягко. — Тут недалеко дорога, вызовем такси, я...

— Никуда я не пойду! — Она снова повысила голос, и в нём послышалась истерическая нотка. — Я убежала! Понимаешь? Убежала оттуда, где всё расписано, где меня продают, как... как... — Она сделала ещё глоток из бутылки, поперхнулась, закашлялась. — Ты знаешь, каково это? Когда твой собственный отец смотрит на тебя и видит не дочь, а актив? Актив, который можно выгодно вложить в нужное дело!

Олег молчал. Он не знал, что сказать, но чувствовал, что сейчас важнее просто быть здесь, слушать, не перебивая.

— Артём, — с отвращением выплюнула она имя. — Сын партнёра. Образованный, серьёзный, перспективный. А меня никто не спросил! Никто! Потому что моё мнение, мои чувства — это... это баловство. Я всю жизнь была для него баловством. Сначала искусство — несерьёзно. Потом дизайн — несерьёзно. Потом парни, которые мне нравились — не те, не те, не те! А теперь я сама стала несерьёзной. Просто пешка в его бизнес-партии.

Она говорила, и слова лились потоком, как вино из бутылки, которую она сжимала так, что костяшки пальцев побелели. Олег видел, как её трясёт — то ли от холода, то ли от напряжения, то ли от всего сразу. Ему захотелось снять куртку, накинуть ей на плечи, но он боялся сделать движение, которое она воспримет как угрозу.

— А мать? — продолжала она, и голос её стал горьким, как полынь. — Мать уехала, когда мне было пятнадцать. Просто собрала чемоданы и уехала. Сказала: «Я больше не могу». А я осталась. Осталась с ним. И думала, если буду хорошей, если буду слушаться, он будет меня любить. По-настоящему. Не как вещь, которую можно обменять на контракт.

Она замерла, глядя куда-то в сторону моря, и Олег заметил, как дрожат её губы.

— А он не любит, — прошептала она. — Он владеет.

— Послушай... — начал Олег, но она резко обернулась, и в её взгляде полыхнула ярость.

— Не смей меня утешать! Не смей говорить, что всё будет хорошо! Потому что ты не знаешь. Ты просто мужик с гитарой, который пришёл на мой пляж и мешает мне пить в одиночестве!

Она сделала шаг назад, чтобы подчеркнуть свои слова, но нога соскользнула с мокрого камня. Бутылка вылетела из руки, разбилась о скалу с глухим звоном, и Варя — Олег не знал тогда её имени, но запомнил этот миг на всю жизнь — полетела вниз, прямо на острые края расколотого стекла и камней.

Время сжалось в пружину. Олег не думал — он просто рванул вперёд, схватил её за плечо, развернул, прижал к себе так, что удар пришёлся на него. Они вместе рухнули на камни — он спиной на гальку, она — на него, и в последний момент он успел выставить руку, чтобы её лицо не встретилось с землёй.

Гитара с горестным стоном упала где-то рядом, но Олег не обратил на это внимания. Девушка лежала на его груди, тяжело дыша, и он чувствовал, как колотится её сердце — быстро, испуганно, но она не плакала. Только цеплялась за его рубашку, словно утопающий за спасательный круг.

— Ты как? — спросил он, пытаясь отстранить её, чтобы заглянуть в лицо.

— Отпусти, — прошептала она, но пальцы только сильнее вцепились в ткань.

— Я тебя держу, чтобы ты не разбилась, — терпеливо объяснил Олег. — А если хочешь, чтобы я тебя отпустил — скажи, и я отпущу. Но сначала убедись, что можешь стоять сама.

Она замерла, и в этой заминке он почувствовал, как её сопротивление тает. Не исчезает, нет — просто отступает перед лицом реальности.

— Я... — начала она и запнулась. — Я не могу. Кажется, я выпила слишком много.

— Догадался, — сухо заметил Олег, и в его голосе невольно проскользнула усмешка.

Девушка вдруг хмыкнула — это был не смех, а какой-то странный, сдавленный звук, в котором смешались истерика и облегчение.

— Ты всегда такой... спокойный? — спросила она, уткнувшись лицом ему в плечо. От неё пахло вином и морем, и ещё чем-то неуловимым — может быть, теми самыми цветами, которые он почувствовал в первый момент.

— Не всегда, — признался Олег. — Но когда рядом кто-то хочет разбить себе голову о камни, приходится быть спокойным за двоих.

Она снова издала тот странный звук, и Олег понял, что она пытается сдержать слёзы. Всё его существо противилось тому, чтобы вторгаться в чужую боль, но оставить её здесь, на холодных камнях, он тоже не мог.

— Слушай, — сказал он, перехватывая её поудобнее. — Моя машина наверху. Я отвезу тебя в город, вызовем такси, и ты поедешь куда тебе нужно. Хорошо?

— Не могу, — прошептала она. — Не могу я туда вернуться. Не сейчас.

— Есть куда ещё?

Она покачала головой, и это движение было таким беззащитным, что у Олега сжалось сердце.

— Тогда... — он помолчал секунду, принимая решение, которое его более осторожная половина назвала бы идиотским. — Тогда поехали ко мне. Придешь в себя, выплывешь, а завтра решим.

Она подняла голову, и в полумраке он увидел её глаза — большие, тёмные, с красными от слёз белками. В них мелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с недоверием.

— А ты не... — начала она и запнулась.

— Я не некрофил, — закончил за неё Олег с кривой усмешкой. — И маньяков среди моих знакомых тоже нет. Ты будешь в полной безопасности, обещаю.

Она долго смотрела на него, словно пытаясь прочесть что-то в его лице, а потом кивнула — едва заметно, словно это движение стоило ей огромных усилий.

— Хорошо, — выдохнула она. — Только... не бросай меня. Пожалуйста.

Это «пожалуйста» прозвучало так тихо и так искренне, что Олег почувствовал, как в груди что-то переворачивается.

— Не брошу, — сказал он просто и поднялся на ноги, увлекая её за собой.

Она была лёгкой, но ноги её не держали. Олег понял, что идти она не сможет, и, недолго думая, подхватил её на руки. Девушка сначала напряглась, потом обмякла, прижимаясь к нему, и в этом движении было столько доверия, сколько он не получал от женщин даже в самые интимные моменты.

Гитару пришлось оставить на камне — он заберёт её завтра. Сейчас важнее было унести отсюда это хрупкое, пьяное, отчаявшееся существо, которое почему-то доверилось ему.

Тропа, которая днём казалась просто узкой, но проходимой, в сумерках превратилась в полосу препятствий. Олег нёс девушку на руках, стараясь ступать осторожно, но камни предательски скользили под ногами. Она снова начала что-то бормотать — невнятно, обрывочно, словно её сознание блуждало где-то между сном и явью.

— Предатель... — выдохнула она, прижимаясь щекой к его плечу. — Думает, что купил... всю жизнь купил... а я не продаюсь...

— Конечно, не продаёшься, — тихо отозвался Олег, перешагивая через выступающий корень. — Я и не сомневаюсь.

— Он сказал... проект заморозит... если не соглашусь... — Её голос дрожал, даже сквозь полусон. — А я столько работала... столько... это моё всё... моё имя... а он... он...

— Кто он? — спросил Олег, хотя уже догадывался, что речь об отце.

— Отец, — прошептала она, и в этом слове прозвучало столько боли, что Олег невольно прижал её крепче. — Сергей Петрович Гордеев... большой человек... строительная империя... а я для него... разменная монета...

Олег остановился на секунду, переводя дух. Фамилия была ему знакома. Гордеев — это тот самый застройщик, который несколько лет назад пытался войти в их сегмент, но быстро понял, что рынок загородной архитектуры требует не только денег, но и вкуса, которого у него не было. Они пересекались пару раз на профессиональных мероприятиях, и каждый раз Олег испытывал неприязнь к этому человеку с цепким взглядом и манерами хищника.

— Не отдам... — продолжала бормотать девушка. — Не отдам свою жизнь... лучше убегу... лучше... — Она замолчала, и Олег услышал, как её дыхание стало глубже, ровнее.

— Беги, — тихо сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к ней. — Иногда бегство — это единственный способ остаться собой.

Она, кажется, его не услышала — или услышала во сне. Её пальцы, всё ещё вцепившиеся в его рубашку, слегка ослабли, и он понял, что она провалилась в глубокий сон.

Путь до машины занял больше времени, чем он рассчитывал. Тропа петляла между скалами, то поднимаясь вверх, то снова спускаясь к морю, и каждый шаг требовал осторожности. Олег чувствовал, как напряжены мышцы спины, как руки начинают уставать от тяжести, но не позволял себе замедляться. Ветер с моря стал холоднее, и девушка, одетая в лёгкую блузку и джинсы, начинала дрожать.

— Сейчас, — пообещал он ей. — Ещё немного.

Она что-то пробормотала в ответ — кажется, «мама», но Олег не был уверен. Он сосредоточился на дороге, на каждом камне, на каждом повороте, и когда наконец впереди показался силуэт внедорожника, облегчённо выдохнул.

Он опустил девушку на заднее сиденье, снял пиджак, укрыл её, стараясь действовать как можно осторожнее. Она свернулась калачиком, поджав колени к груди, и в этом движении было что-то детское, незащищённое. Олег замер на секунду, глядя на неё. Даже сейчас, растрёпанная, с красными глазами и мокрыми от слёз щеками, она была красива. Но дело было не в красоте — в ней чувствовалась какая-то внутренняя сила, которую не могли сломать ни вино, ни отчаяние.

Он захлопнул дверь, обошёл машину, сел за руль. Двигатель ожил с тихим рыком, и Олег включил печку на полную, чтобы она не замёрзла. В зеркало заднего вида он видел, как её лицо постепенно разглаживается, уходит напряжение, оставляя место чему-то похожему на покой.

— Кто ж ты такая? — спросил он тихо, обращаясь к её отражению. — И как ты умудрилась в одиночку довести себя до такого состояния?

Она не ответила. Только вздохнула во сне и прижалась щекой к его пиджаку, словно ища в нём защиту.

Олег вырулил на трассу. Огни города приближались, но он не хотел туда. В его квартире, в центре, было пусто и холодно, несмотря на все системы отопления и дорогую мебель. Но сегодня там будет кто-то ещё. Кто-то, кто нуждался в тишине не меньше, чем он сам.

Он ехал медленно, осторожно проходя повороты, чтобы её не укачало. Время от времени поглядывал в зеркало, проверяя, дышит ли она ровно. И думал.

Он думал о том, как случайны бывают встречи. Ещё утром он был успешным архитектором, который планировал вечер в одиночестве с гитарой у моря. А теперь вёз в своей машине незнакомку, которая во сне называла отца предателем и обещала не отдавать свою жизнь. И в этом было что-то неправильное, нелогичное, но одновременно — правильное. Потому что иногда судьба бросает тебе вызов в самом неожиданном обличье, и только от тебя зависит, примешь ты его или отступишь.

Олег решил не отступать.

Он не знал, что будет завтра, когда она проснётся. Не знал, как объяснит своему охраннику, почему в доме появилась пьяная девушка. Не знал, зачем вообще ввязался в эту историю. Но в глубине души он чувствовал: это не случайность. Это — начало чего-то, что изменит его жизнь.

— Не бойся, — сказал он, обращаясь к спящей девушке, и впервые за долгое время в его голосе прозвучала мягкость, о которой он сам себя не подозревал. — Утро вечера мудренее. А пока — просто спи.

В зеркале он увидел, как её губы тронула лёгкая улыбка — или ему только показалось.

Внедорожник нырнул в тоннель, и на несколько секунд они оба оказались в темноте, и эта темнота казалась Олегу уютной, потому что в ней можно было не притворяться. А потом впереди вспыхнули огни города, и он выдохнул, понимая, что это путешествие, начавшееся на диком пляже, подходит к концу.

Но настоящее путешествие — то, которое приведёт их к чему-то большему, — только начиналось.

Он свернул на свою улицу, припарковался у подъезда, заглушил двигатель. Несколько минут просто сидел, слушая её ровное дыхание, и чувствовал, как в груди разливается странное, давно забытое тепло.

— Добро пожаловать домой, — сказал он тихо, выходя из машины, чтобы открыть заднюю дверь. — Добро пожаловать в мою жизнь. Кажется, ты в неё только что ворвалась, и я не уверен, что смогу тебя отпустить.

Он подхватил её на руки — она даже не проснулась, только придвинулась ближе, ища тепла — и понёс в дом, где его ждала только тишина. Но сегодня она уже не казалась ему такой пустой.

На пороге он задержался на секунду, глядя на спящую девушку, и вдруг понял, что боится. Не её — а того, что утро всё расставит по местам, и она уйдёт, а он снова останется один в своей огромной, красивой, пустой квартире.

— Может быть, — прошептал он, переступая порог, — может быть, это шанс. Для нас обоих.

Она не ответила, но её пальцы, всё ещё сжимавшие его рубашку, чуть сжались, и Олегу показалось, что она слышит.

Он аккуратно уложил её на диван в гостиной, подложил подушку, накрыл пледом. Постоял рядом, глядя на неё, и только потом, уже в дверях спальни, обернулся:

— Спокойной ночи, незнакомка.

В ответ — только тихий вздох.

Олег выключил свет и ушёл, оставив её в темноте, но знал, что этой ночью спать не будет. Слишком много мыслей крутилось в голове, слишком много вопросов, на которые у него не было ответов.

А может быть, ответы были не нужны. Может быть, иногда достаточно просто быть рядом. Просто слушать. Просто не отпускать.

Он сел в кресло у окна, глядя, как за стеклом плывут огни ночного города, и думал о том, как странно складывается жизнь. Ещё вчера он был уверен, что всё знает о себе. А сегодня понял, что не знает ничего. И это незнание было не страшным, а, наоборот, освобождающим.

Где-то там, в темноте, спала девушка, которая назвала своего отца предателем и поклялась не отдавать свою жизнь. И Олег вдруг осознал, что готов помочь ей в этом. Не потому, что ждал благодарности. Не потому, что хотел что-то получить взамен. А просто потому, что она напомнила ему — иногда бунт против несправедливости важнее спокойствия.

— Мы ещё поговорим, — сказал он в тишину. — Завтра. Когда ты проснёшься.

А пока — он просто будет ждать. Ждать утра, которое, возможно, станет началом чего-то нового. Для них обоих.

И в этом ожидании было что-то странное, почти магическое — чувство, которое он давно забыл. Чувство, похожее на надежду.

Олег откинулся в кресле, закрыл глаза и позволил себе просто быть. Быть здесь, в эту минуту, с этой девушкой в соседней комнате, с этим новым, непривычным ощущением, что одиночество, наконец, отступает.

За окном занимался рассвет, и первые лучи солнца коснулись крыш города, обещая новый день. День, который изменит всё.

Олег улыбнулся своим мыслям и провалился в сон, впервые за долгое время чувствуя, что утро действительно будет добрым.

Глава 3

Сознание возвращалось медленно, с неохотой, словно выбираясь из глубокого, тёмного колодца. Первое, что почувствовала Варя — боль. Не острая, но тягучая, разлитая по всему телу, как если бы её перемололи в гигантской мясорубке, а потом собрали заново, но перепутали детали. Голова гудела набатом, язык казался чужим и распухшим, а во рту поселился привкус чего-то кислого и горького одновременно.

Она лежала с закрытыми глазами, боясь пошевелиться, потому что любое движение обещало новый всплеск боли. Где она? Что случилось? Последнее, что она помнила — скалы, море, бутылка вина и... и чей-то голос. Мужской. И руки, которые подхватили её, когда земля ушла из-под ног.

Паника накрыла с головой, выжигая остатки сна. Варя резко села — и тут же пожалела об этом. Мир качнулся, перед глазами заплескали разноцветные пятна, а к горлу подкатила тошнота. Она замерла, судорожно вдыхая, пережидая приступ, и только когда мир снова обрёл устойчивость, рискнула открыть глаза.

Это была не её комната. Не её квартира, где она жила последние два года после университета, снимая маленькую, но свою студию. Не дом отца, который она ненавидела всей душой. Это было чужое пространство — просторное, светлое, с высокими потолками и огромными окнами, через которые лился утренний солнце. Белые стены, тёмное дерево пола, лаконичная мебель — всё здесь дышало дорогой, сдержанной элегантностью, которую Варя, как дизайнер, оценила бы при других обстоятельствах.

Кровать, на которой она сидела, была огромной, с идеально натянутой простыней и множеством подушек. На ней — Варя бросила взгляд на свою одежду — джинсы, блузка, всё на месте, хотя блузка сильно помята, а джинсы расстёгнуты. Она судорожно выдохнула: значит, ничего не случилось. По крайней мере, ничего такого.

— Ммммммммм!

Стон вырвался сам собой, когда она попыталась поднять руку, чтобы откинуть с лица спутанные волосы. Каждое движение давалось с трудом, мышцы ныли, будто она провела ночь не в кровати, а на тренировке по кроссфиту. Она провела ладонью по лицу, ощупала опухшие веки, чувствуя, как они горят.

— Проснулась?

Голос раздался так неожиданно, что Варя подскочила на месте, снова чуть не свалившись в приступ тошноты. Она резко обернулась и увидела его — мужчину, стоящего в дверном проёме с подносом в руках.

Вчерашний. Тот самый, с гитарой.

При дневном свете он выглядел иначе. Нет, не иначе — просто более... настоящим. Высокий, широкоплечий, с тёмными, чуть отросшими волосами, которые он, видимо, зачёсывал назад, но сейчас они непослушно падали на лоб. Лицо с чёткими, немного резкими чертами — волевой подбородок, прямой нос, внимательные серые глаза, которые смотрели на неё сейчас с насмешливым любопытством. Одет он был просто — тёмные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами, открывающая сильные предплечья. Ни галстука, ни пиджака — домашний, расслабленный вариант, который, однако, не скрывал, что перед ней человек с положением и привычкой к порядку.

Варя открыла рот, чтобы что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Голос отказывался слушаться, и это было унижительно.

— Не торопись, — сказал мужчина, проходя в комнату и ставя поднос на тумбочку у кровати. — Твои голосовые связки вчера поработали на износ.

Он протянул ей стакан с водой и блистер таблеток. Варя схватила их с жадностью утопающего, проглотила таблетку, запила — вода показалась нектаром, живительным и прохладным. Она осушила стакан до дна и только тогда перевела дух.

— Спасибо, — выдавила она. Голос прозвучал сипло, чужо.

— На здоровье, — мужчина присел на край кровати, и Варя инстинктивно отодвинулась. Он заметил это, усмехнулся, но комментировать не стал. — Как голова?

— Раскалывается, — честно призналась Варя. — И перед глазами всё плывёт.

— Нормально. После такого количества вина, которое ты вчера выпила, это ещё лёгкие последствия.

Она поморщилась. Вино. Бутылка. А до этого — разговор с отцом, его спокойный, уверенный голос, объявляющий о её судьбе, как о коммерческой сделке. Воспоминания нахлынули, и вместе с ними — новый приступ тошноты, теперь уже не физической, а моральной.

— Где я? — спросила она, оглядываясь.

— У меня, — лаконично ответил он.

— А как я тут оказалась?

— Я тебя принёс. Ты уснула у меня на плече, а адреса не оставила.

Варя почувствовала, как к щекам приливает жар. Стыд, такой острый и едкий, что захотелось провалиться сквозь землю. Она — взрослая женщина, дизайнер, чьи проекты получали премии — вчера напилась до беспамятства на чужом пляже, а какой-то мужчина тащил её на себе, как мешок с картошкой.

— И... — Она запнулась, чувствуя, как краска заливает шею. — Между нами что-то было?

Она ждала ответа, вцепившись пальцами в простыню, и увидела, как в его глазах зажглись задорные смешинки. Он посмотрел на неё долгим, насмешливым взглядом, словно решая, какую шутку выбрать, и наконец произнёс:

— Ну, как тебе сказать...

Варя замерла. Он выдержал паузу — профессионально выдержал, артистично, с чувством, — и закончил:

— Я, как честный человек, теперь просто обязан на тебе жениться.

Сердце ухнуло вниз, и она, наверное, побледнела, потому что мужчина вдруг рассмеялся — негромко, но искренне, и в этом смехе не было насмешки, только тёплая ирония.

— Да успокойся ты! — сказал он, качая головой. — Я ведь не некрофил, чтобы пользоваться бездыханным телом. Да и несло от тебя вчера, как от винной бочки. Так что можешь выдохнуть.

Варя выдохнула. Облегчение было таким сильным, что она чуть не рассмеялась в ответ — от нервного перенапряжения. Но смех застрял в горле, потому что стыд никуда не делся. Напротив, он стал ещё острее. Она была не просто пьяной — она была жалкой. А он видел её в самом унижительном состоянии.

— Кстати, я Олег, — представился мужчина, протягивая руку. — Олег Викторович, но можно просто Олег.

Она посмотрела на его ладонь — широкую, с длинными пальцами, которые вчера перебирали струны гитары. Пожала, ощутив сухое тепло.

— Варя.

— Варя, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Короткое, но ёмкое.

Она хотела что-то ответить, но он уже поднялся с кровати, возвращаясь к деловому тону.

— Можешь взять мою рубашку. Душ там, — он указал на одну из дверей в глубине комнаты. — Полотенце возьмёшь на полке. А я жду тебя на кухне. Завтрак — единственное,

что реально помогает после таких вечеров, если только это не похмелье от дешёвого пойла, но твоё вино было приличным, так что шансы есть.

Он вышел, не дожидаясь ответа, и Варя осталась одна. Несколько минут она сидела неподвижно, переваривая случившееся. Потом, с трудом переставляя ноги, поднялась с кровати и побрела в ванную.

Ванная комната оказалась такой же, как и спальня — дорогой, сдержанной, с идеальным вкусом. Мраморная столешница, огромное зеркало в простой чёрной раме, душевая кабина с панорамным стеклом. Варя закрыла дверь на щеколду и прислонилась к холодной стене, чувствуя, как дрожат колени.

Она посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. На неё смотрело существо, мало напоминающее человека: опухшее лицо, синяки под глазами, спутанные волосы, засохшая тушь под нижними веками. Блузка измята, джинсы в пыли, на коленях — ссадина, о которой она даже не помнила. Варя закрыла лицо руками.

— Что я делаю, — прошептала она. — Что я творю со своей жизнью?

Ответа не было. Только боль в голове и тошнотворное чувство стыда.

Она разделась, встала под душ и включила воду — сначала тёплую, потом почти холодную. Холод отрезвил, заставил тело собраться, а мысли — обрести хоть какую-то структуру. Варя стояла под струями, чувствуя, как вода смывает с неё вчерашний позор, и понемногу возвращалась способность думать.

Отец. Сергей Петрович Гордеев. Владелец «Гордеев-Строй», империи, выросшей из маленькой строительной фирмы, которую он открыл ещё в девяностые. Тогда, говорят, он был другим — дерзким, рискованным, но честным. Варя помнила только его холодным, расчётливым, уверенным в своей правоте. Он строил не только дома — он строил жизни, свои и чужие, и не терпел, когда кто-то пытался отклониться от его чертежей.

Мать не выдержала. Ушла, когда Вале было пятнадцать, оставив короткую записку: «Прости. Я больше не могу. Ты сильная, ты справишься». Сильная. Варя ненавидела это слово. Оно означало, что её чувствам можно не придавать значения, потому что она всё равно справится. Оно означало, что её можно бросать, предавать, использовать — потому что она сильная.

Она справилась. Окончила школу с золотой медалью, поступила на архитектурный факультет, потому что отец сказал: «Дизайн интерьеров — это баловство. Сначала получи серьёзное образование». Она получила. И всё это время продолжала заниматься тем, что любила: рисовала, проектировала пространства, создавала уют из пустоты. После университета устроилась в небольшую студию, начала брать частные заказы. Её первый самостоятельный проект — небольшая кофейня в центре — получил хорошие отзывы. Второй — лофт для молодой пары — даже заметили в профессиональном журнале.

Отец наблюдал. Не одобрял, но и не мешал, потому что считал это временным увлечением. «Перебесится, — говорил он своим партнёрам. — Наиграется в дизайнера и пойдёт работать в семейный бизнес». Он не понимал, что для неё это не игра. Что когда она создаёт пространство — она создаёт мир, в котором хочется жить. Мир, который не похож на тот, холодный и расчётливый, где её место всегда было определено заранее.

А потом появился проект для галереи «Арт-Плаза». Это был шанс — первый по-настоящему крупный заказ, который мог сделать ей имя. Галерея принадлежала старым друзьям отца, и Варя подозревала, что протекция сыграла свою роль, но она была готова доказать, что получила этот проект не благодаря фамилии, а вопреки ей. Она работала месяцами — ночами, в выходные, отказываясь от встреч и свиданий. Создала концепцию, которая объединяла пространство, свет, искусство в единое целое. Это было лучшее, что она сделала в своей жизни.

И теперь отец грозился всё это отнять. Заморозить проект, если она откажется выходить замуж за сына его партнёра. «Спонсоры, знаешь ли, не любят вкладываться в тех, кто не ценит семейные ценности», — сказал он. То есть: подчинись — или я разрушу всё, что ты создала.

Варя сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Слезы смешивались с водой, стекали по лицу, и она даже не пыталась их сдерживать. Но вместе со слезами из неё выходило и отчаяние, и злость, и страх. Она плакала, пока не почувствовала, что внутри стало пусто, а потом — странно, но легче.

Она выключила воду, вытерлась пушистым полотенцем, которое пахло чем-то свежим и мужским. Рубашка, которую оставил для неё Олег, висела на крючке. Тёмно-синяя, хлопковая, мягкая на ощупь. Варя натянула её — на её миниатюрной фигуре рубашка оказалась почти платьем, доходя до середины бедра. Запах, въевшийся в ткань — лёгкий, древесный, с нотками цитруса — заполнил лёгкие, и на секунду ей стало спокойно. Безопасно.

Она посмотрела в зеркало. Волосы, мокрые, тёмными прядями падали на плечи. Лицо ещё бледное, но уже не такое опухшее. Ссадина на колене покраснела, но не страшно. Варя глубоко вздохнула.

Нужен план.

Она не может вернуться к отцу. Не сейчас, когда он ждёт её покорности. Если она появится, он будет давить, угрожать, манипулировать — и рано или поздно она может сломаться. А она не хочет ломаться. Она хочет жить своей жизнью, делать то, что любит, быть с тем, кого выберет сама.

Значит, нужно найти временное убежище. Деньги — у неё есть немного, но их хватит на пару недель, если экономить. Квартиру можно снять где-то на окраине. Работу — сейчас, когда проект для галереи под угрозой, придётся искать новые заказы. У неё есть портфолио, есть имя в профессиональных кругах. Она сможет.

Главное — не сдаваться. Не позволить отцу сломать её.

Варя расправила плечи, посмотрела на своё отражение и кивнула сама себе. Она справится. Как всегда.

Рубашка Олега пахла так, что хотелось остаться в этом запахе подольше, но Варя понимала, что нельзя злоупотреблять гостеприимством. Надо поблагодарить, спросить, где ближайшая станция метро, и уйти. Быстро, вежливо, не оборачиваясь.

Она вышла из ванной, прошла через спальню и направилась вниз по лестнице, ведомая упоительным ароматом кофе. Квартира оказалась двухуровневой — наверху, видимо, спальни, внизу — гостиная, кухня, столовая. Всё в той же лаконичной эстетике: много света, чистые линии, дорогие материалы. И везде — книги. Стеллажи во всю стену, книги на журнальном столике, на подоконниках. Варя, сама книголюб, невольно замедлила шаг, разглядывая корешки. Архитектура, история искусств, немного художественной литературы. Человек, который здесь живёт, явно не чужд интеллектуальных интересов.

Она уже спускалась на последние ступеньки, когда в тишине дома раздался резкий звук — скрежет ключа в замочной скважине входной двери.

Сердце ухнуло вниз, и Варя застыла на месте. Паника накрыла с головой, острая, иррациональная, лишаящая способности соображать. Она не знает этого мужчину. Совсем ничего. Кто он? Что за человек? А вдруг он женат? Вдруг у него семья, а она здесь, в его рубашке, в его доме, и сейчас войдёт его жена?

Варя попятилась назад, делая шаг, другой, и вдруг наткнулась на что-то твёрдое. Сильные руки легли на её талию, прижимая ближе, и она почувствовала у самого уха горячее дыхание.

— Тихо, — голос Олега прозвучал спокойно, но в нём слышалась сталь. — Всё в порядке.

Он не отпускал её, и Варя, сама не понимая как, перестала дрожать. Его руки на её талии казались не угрозой, а защитой. И это было странно — доверять человеку, которого знаешь меньше часа.

Входная дверь распахнулась, и в холл вошла женщина. Элегантная, в дорогом костюме, с идеальной укладкой и внимательными глазами, которые сразу нашли Варину фигуру. Она замерла на пороге, глядя на сына с незнакомкой в мужской рубашке, и её рот приоткрылся в немом удивлении.

— Мама?! — Олег шагнул вперёд, но не отпустил Варю, а наоборот, интуитивно задвинул её себе за спину. — Привет! Почему ты не сказала, что заедешь?

— Здравствуй, сын! — Женщина быстро взяла себя в руки, улыбнулась, но в улыбке чувствовалось напряжение. — Я просто проезжала мимо и решила заглянуть к тебе. Не подумала, что ты можешь быть не один.

Её взгляд снова скользнул по Варе — оценивающий, внимательный, но без враждебности.

— Может, представишь свою гостью?

На мгновение Олег растерялся — Варя почувствовала это по тому, как напряглись его пальцы на её талии. Но только на мгновение. А потом он распрямил плечи и притянул её ближе, по-хозяйски, уверенно.

— Мама, это Варя, — сказал он спокойно, и в его голосе прозвучало что-то такое, отчего у Вари перехватило дыхание. — Моя девушка.

Варя открыла рот, чтобы возразить, но он сжал её талию чуть сильнее — предупреждающе — и она промолчала. Ольга Юрьевна — так она потом узнала её имя — смотрела на них с любопытством, которое плохо скрывала за вежливой улыбкой.

— Очень приятно, Варя, — сказала она. — А я — Ольга Юрьевна, мама этого... невоспитанного молодого человека, который не предупредил, что у него гостья.

— Варя, — кивнула девушка, чувствуя, что её голос звучит слишком тихо.

— Вы простите меня, что помешала, — Ольга Юрьевна сделала шаг назад, к двери. — Я лучше поеду. Но... — Она остановилась, посмотрела на сына, потом снова на Варю. — Я бы очень хотела познакомиться с вами поближе. Так что мы ждём вас завтра к себе на ужин. Восемь часов, без опозданий.

Она улыбнулась — такой улыбкой, которая не терпит возражений — и вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

Тишина повисла в холле, тяжёлая, почти осязаемая. Варя стояла, чувствуя, как рука Олега всё ещё лежит на её талии, и вдруг осознала, что дышит неровно, слишком часто.

— Что это было? — прошипела она, выворачиваясь из его рук и делая шаг назад. Внутри вскипала злость — на него, на ситуацию, на себя за то, что позволила себя втянуть. — Что это только что было?!

Олег вздохнул, провёл рукой по волосам и, кажется, только сейчас понял, что натворил.

— Я могу объяснить.

— Объяснить?! — Варя повысила голос, чувствуя, как вчерашняя истерика возвращается, готовая выплеснуться наружу. — Ты только что назвал меня своей девушкой перед своей матерью! А я даже не знаю, кто ты такой! Может, у тебя жена, дети, собака, хомяк?!

— Ни жены, ни детей, ни хомяка, — ответил Олег, и в его голосе проскользнула усмешка, которая бесила ещё больше. — Собакой тоже не обзавёлся.

— Это не смешно! — Варя скрестила руки на груди, и рубашка, её — его рубашка, напомнила, как она здесь оказалась. — Я ничего о тебе не знаю. Где я, чёрт возьми, проснулась?

— В моём доме, — терпеливо ответил Олег. — А кто я... — Он помолчал, словно решая, сколько информации выдать. — Меня зовут Олег Викторович Ковалёв. Мне тридцать два года. Я архитектор, владелец компании «АРХ-Дом». Холост, не женат, детей нет, вредных привычек не имею, если не считать того, что иногда сбегая на пустынный пляж с гитарой. Достаточно для начала?

Варя замерла. Фамилия Ковалёв была ей знакома. «АРХ-Дом» — одна из ведущих компаний в сегменте загородной архитектуры. Их проекты публиковали в журналах, о них гово-

рили в профессиональных кругах. Варя даже видела их работы — элегантные дома, вписанные в ландшафт, живые, дышащие, не похожие на холодные коробки, которые строил её отец.

Она посмотрела на Олега другими глазами. Вчерашний гитарист на пляже — и владелец компании с многомиллионными оборотами. В этом было что-то несочетаемое, но в то же время — логичное. Человек, который строит дома, в которых хочется жить, сам должен уметь ценить тишину.

— Теперь, когда с биографией разобрались, — продолжил Олег, — я могу объяснить, зачем назвал тебя своей девушкой?

— Объясняй, — буркнула Варя, всё ещё сердитая, но любопытство уже брало верх.

— Понимаешь, — Олег прошёл в гостиную, жестом приглашая её следовать за ним, — у моей матери есть навязчивая идея женить меня. И каждый её приезд — это новая кандидатура. Дочери партнёров, подруги подруг, даже какая-то племянница соседки. Она уже отчаялась, и её методы становятся всё более... изобретательными.

— И я тут при чём?

— При том, что если она увидит у меня девушку — настоящую, живую, которую я сам выбрал, — то на время отстанет. А если ещё познакомится с тобой поближе, убедится, что я не один, что у меня серьёзные отношения... — Он развёл руками. — Может, даст мне передышку на пару месяцев.

Варя смотрела на него, не веря своим ушам.

— Ты предлагаешь мне сыграть роль твоей девушки? Чтобы твоя мать перестала тебя сватать?

— Именно.

— Это абсурд! — выдохнула она. — Я не актриса. И вообще, я тебя не знаю!

— Зато у тебя нет жилья, — спокойно заметил Олег. — И, судя по вчерашнему, ты сбежала из дома. Я не спрашиваю подробностей, но готов поспорить, что вернуться к отцу ты не хочешь.

Варя почувствовала, как кровь отливает от лица. Откуда он знает? Она что, проболталась во сне?

— Не бойся, — сказал Олег, заметив её реакцию. — Ты говорила во сне. Не много, но достаточно, чтобы понять — ты в бегах, и причина не в том, что ты задолжала кредиторам.

— Это не твоё дело, — выдавила Варя, чувствуя, как внутри поднимается новая волна стыда.

— Не моё, — согласился он. — Но я могу предложить сделку. Ты играешь роль моей девушки перед матерью — один ужин, может, пара встреч. А я даю тебе крышу над головой на это время. И, возможно, помогу разобраться с твоим... семейным вопросом.

— Семейным вопросом? — Варя горько усмехнулась. — Ты не представляешь, с кем имеешь дело. Мой отец — Сергей Гордеев.

Она ждала реакции. И дождалась — в глазах Олега мелькнуло узнавание, а потом понимание.

— «Гордеев-Строй», — медленно произнёс он. — Твоя фамилия Гордеева?

— Гордеева-Петровская, если быть точной. Но да, я его дочь.

Олег откинулся на спинку дивана, рассматривая её с новым выражением. В его взгляде не было ни испуга, ни подобострастия, которое Варя часто видела в глазах людей, узнававших её фамилию. Только спокойный интерес.

— Значит, ты — дочь человека, который строит безвкусные небоскрёбы и считает, что архитектура — это квадратные метры и рентабельность, — сказал он. — А сама, судя по всему, предпочла дизайн.

— Откуда ты...

— Профессиональное, — он усмехнулся. — Вижу, как ты смотришь на интерьеры моего дома. Оцениваешь, сравниваешь, замечаешь детали. И руки у тебя художника — пальцы длинные, чуткие.

Варя опустила глаза. Она и не замечала, что смотрит на его дом как дизайнер. И уж тем более не ожидала, что он это заметит.

— Я действительно занимаюсь дизайном интерьеров, — призналась она. — И мой отец считает это баловством. А теперь он хочет выдать меня замуж за сына своего партнёра, чтобы скрепить сделку. И пригрозил заморозить мой проект, если я откажусь.

Она не знала, зачем рассказывает это незнакомцу. Но слова лились сами собой, как вчера — когда она кричала на пляже, срывая голос. Только теперь не было злости, была усталость. И надежда — глупая, иррациональная надежда, что этот человек, который вчера играл на гитаре у моря, поймёт.

— Заморозить проект? — переспросил Олег, и в его голосе прозвучала сталь. — Какой проект?

— Галерея «Арт-Плаза». Я разработала для них концепцию выставочного пространства. Это мой первый крупный заказ, и отец знает, как много он для меня значит.

Олег молчал долго. Потом встал, прошёлся по комнате, остановился у окна.

— Я помогу тебе, — сказал он, не оборачиваясь. — Не только с жильём. С проектом. У меня есть связи в «Арт-Плаза», я знаю владельца. Если понадобится, мы найдём способ, чтобы твой отец не мог его заблокировать.

Варя смотрела на его широкую спину, на то, как уверенно он стоит — и вдруг поняла, что впервые за долгое время ей не страшно. Что рядом с этим человеком, который вчера был совершенно чужим, она чувствует себя в безопасности.

— Почему ты это делаешь? — спросила она тихо. — Зачем тебе помогать незнакомке?

Олег обернулся. В его глазах не было насмешки, только что-то тёплое, почти нежное.

— Потому что ты вчера сказала, что не отдашь свою жизнь, — ответил он просто. — И я поверил. Такие, как ты, не сдаются. Им просто иногда нужно немного поддержки.

Варя почувствовала, как к глазам подступают слёзы — не от боли, а от чего-то другого, давно забытого. От благодарности.

— Хорошо, — сказала она, вытирая щёки тыльной стороной ладони. — Один ужин. Играем твою девушку. Но только один раз!

Олег улыбнулся — той самой улыбкой, которая, как поняла Варя, была его главным оружием.

— Договорились, — сказал он и протянул руку. — По рукам?

Варя посмотрела на его ладонь, потом на его лицо. Что-то в этом жесте — таком простом, мужском — было окончательным. Словно они заключали не шуточное соглашение, а подписывали контракт, который изменит их жизни.

Она пожала его руку.

— По рукам.

Его пальцы сжали её ладонь — крепко, уверенно, и в этом рукопожатии было обещание. Какое — она ещё не знала. Но почему-то ей казалось, что это обещание она запомнит надолго.

— Тогда, — сказал Олег, отпуская её руку, — у нас есть сутки, чтобы придумать легенду. Моя мать — женщина внимательная, ей просто так не соврёшь.

— А мы и не будем врать, — неожиданно для самой себя сказала Варя. — Я действительно дизайнер, и ты действительно архитектор. Мы встретились на пляже — что в этом неправда?

Олег посмотрел на неё с интересом.

— И что мы там делали?

— Я искала вдохновение, — Варя улыбнулась — первый раз за этот день по-настоящему. — А ты играл на гитаре. И мы разговорились. Всё правда, только без подробностей.

— Без подробностей о том, что ты была пьяна в стельку и уснула у меня на плече? — уточнил Олег с притворной серьёзностью.

— Без подробностей, — подтвердила Варя, чувствуя, как её губы расплываются в улыбке. — И вообще, давай договоримся: вчерашнего не было. Я пришла на пляж в ясной памяти и трезвом уме.

— Как скажешь, — Олег поднял руки в примирительном жесте. — Тогда, может быть, начнём знакомство заново? Я Олег.

Он протянул руку, и Варя, смеясь, пожала её.

— Варя. Очень приятно.

— Взаимно.

Они стояли так — в его гостиной, залитой утренним солнцем, держась за руки, и в этом было что-то странное, неправильное, но совершенно правильное.

— Кофе будешь? — спросил Олег, отпуская её ладонь. — Только без шантажа и контрактов. Просто кофе.

— Буду, — кивнула Варя. — С удовольствием.

Она пошла за ним на кухню, и в её шагах уже не было той неуверенности, что утром. Вместо неё появилось что-то новое — чувство, похожее на лёгкость. Впервые за много дней она не думала об отце, о проекте, о будущем, которое казалось таким мрачным. Она думала только о том, что запах свежесваренного кофе — это самое прекрасное, что может быть с утра. И о том, что человек, который варит этот кофе, возможно, не такой уж чужой.

— Олег, — позвала она, когда он возился с кофемашиной.

— М?

— Спасибо. За всё. За вчера. За сегодня.

Он обернулся, и в его глазах было то самое тепло, которое она заметила ещё в ванной, когда смотрела на его рубашку, висящую на крючке.

— Не за что, — сказал он. — Кофе будешь с молоком или без?

— С молоком, — ответила Варя и села за стол, чувствуя, как в груди разливается что-то тёплое, давно забытое.

Может быть, это была надежда. А может — начало чего-то большего. Она не знала. Но ей вдруг захотелось узнать.

Утро, начавшееся с боли и стыда, превращалось в нечто иное. Во что-то, что могло стать началом новой истории. И Варя, которая ещё час назад была готова сдаться, вдруг почувствовала, что силы возвращаются. Что она справится. Что она не одна.

Она посмотрела на Олега, который возился с кофемашиной, и улыбнулась. Кажется, в её жизни начиналась новая глава. И она была готова её написать.

Глава 4

Кофе получился отменным. Варя сидела за кухонным столом, обхватив ладонями большую керамическую кружку, и чувствовала, как тепло разливается по телу, прогоняя остатки вчерашнего кошмара. Олег расположился напротив, с чашкой эспresso, и они вели тот лёгкий, ни к чему не обязывающий разговор, который бывает между людьми, только начинающими узнавать друг друга.

— Значит, ты проектировала кофейню «Угол» на Садовой? — спросил Олег, отставляя пустую чашку.

— Да, — Варя кивнула, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло от того, что её работа известна. — Это был мой первый самостоятельный проект. Владелец дал полную свободу, я чуть с ума не сошла от ответственности.

— Хорошая работа. Я там как-то завтракал. Пространство дышит, хотя метраж крошечный.

— Ты заметил? — Варя улыбнулась, и в этой улыбке было что-то искреннее, детское. — Я старалась сделать так, чтобы даже маленькое помещение не давило. Игра света, зеркала, правильные углы...

— Архитектор видит, — Олег откинулся на спинку стула, рассматривая её с выражением, которое Варя не могла прочесть. — Ты талантлива, Варя. И твой отец — дурак, если этого не понимает.

Она опустила глаза, пряча смущение. Compliments от незнакомых мужчин всегда ставили её в тупик, а от этого — особенно.

— Я просто делаю то, что люблю, — сказала она тихо.

— И это видно.

Повисла пауза — не неловкая, но задумчивая. Варя смотрела в окно, где за стеклом открывалась панорама города, и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё вчера она была готова разбиться о скалы, а сегодня пьёт кофе в доме человека, который называет её талантливой.

— Слушай, — Олег наклонился вперёд, и его голос стал серьёзным, — нам действительно нужно обсудить...

Договорить он не успел. В прихожей раздался звук, от которого у Вари всё внутри оборвалось: скрежет ключа в замочной скважине.

Она замерла, вцепившись в кружку так, что побелели костяшки. Вчерашняя паника вернулась с новой силой, парализуя мысли, лишая способности двигаться. Что за чёрт? У этого человека есть ключи от его квартиры? Кто это?

Олег тоже напрягся — она видела, как его челюсть сжалась, как потемнели глаза. Но он не вскочил, не запаниковал, только медленно перевёл взгляд на входную дверь, которую было видно из кухни.

Варя проследила за его взглядом. В проёме двери появилась женщина. Та самая, которую она уже видела мельком, когда брела по коридору, — элегантная, в бежевом пальто, с идеальной укладкой и большими тёмными глазами, в которых застыло удивление.

Женщина смотрела на них. На Варю, сидящую на кухне в мужской рубашке, с мокрыми после душа волосами и покрасневшими щеками. На Олега, который замер с чашкой в руке, не успев даже подняться. На кофе, газету, всю эту уютную, интимную картину утра вдвоём.

Варя почувствовала, как кровь приливает к лицу. Она хотела что-то сказать, объяснить, но язык прилип к нёбу. Единственное, что она смогла выдавить из себя — какой-то сдавленный, нечленораздельный звук, похожий на писк.

Олег, наконец, пришёл в движение. Он медленно поднялся из-за стола, обошёл его, остановился рядом с Варей. Его рука легла на её плечо — не требовательно, но уверенно, и этот жест одновременно успокаивал и пугал. Потому что означал: он принимает ситуацию. И он ждёт от неё того же.

— Мама, — голос Олега звучал ровно, даже слишком ровно, словно он репетировал эту сцену тысячи раз. — Мы не ждали тебя.

— Я вижу, — женщина — его мать, боже, его мать! — сделала шаг вперёд, и Варя увидела, как её взгляд скользит по фигуре незнакомки, оценивая, анализируя, сопоставляя. — Ты не отвечал на звонки, я волновалась. Решила заехать проверить, всё ли в порядке.

— Со мной всё в порядке, — Олег слегка сжал Варино плечо, и она поняла этот сигнал: молчи, не вмешивайся, дай мне говорить. — Как видишь.

— Вижу, — мать скинула пальто, повесила на вешалку, и Варя отметила, как плавны, уверенны её движения. Женщина привыкла чувствовать себя хозяйкой в этом доме. — Ты познакомишь меня со своей гостьей?

Это был не вопрос. Это было требование, облечённое в форму вежливости. Варя почувствовала, как её сердце заколотилось где-то в горле. Она была не готова к этому. Она вообще ни к чему не была готова — в чужой одежде, с опухшим после вчерашнего лицом, без косметики, с мокрой головой.

Она представила, как выглядит со стороны: девица, которая ночует у мужчины после первой же встречи, разгуливает в его рубашке, пьёт кофе на его кухне. И эта женщина — элегантная, ухоженная, с безупречным маникюром — смотрит на неё и, наверное, думает что-то ужасное.

— Мама, это Варя, — голос Олега вывел её из ступора. — Варя, это моя мать, Ольга Юрьевна.

Варя вскочила так резко, что чуть не опрокинула кружку. Кофе плеснулся на стол, образовав тёмную лужу, но она даже не заметила. Все её инстинкты кричали: беги! Спасайся! Прячься! Но ноги не слушались, а рот открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы.

— Здравствуйте, — наконец выдавила она, и голос прозвучал жалко, тонко, совсем не так, как ей хотелось бы. — Я... мы... Олег просто...

— Варя — мой дизайнер, — перебил Олег, и Варя почувствовала, как его пальцы на её плече слегка сжались, предупреждая. — Она работает над интерьером для моего нового проекта. Мы обсуждали эскизы.

Варя моргнула. Дизайнер? Проект? Она перевела взгляд на Олега, но он смотрел на мать, и его лицо было непроницаемым.

— Дизайнер, — повторила Ольга Юрьевна, и в её голосе прозвучало что-то, что Варя не смогла идентифицировать. — В восемь утра?

— Она приехала рано, потому что у неё плотный график, — Олег говорил спокойно, убедительно, словно репетировал эту ложь. — А рубашка... она испачкала свою краской, когда мы работали с образцами. Я предложил чистую.

Варя смотрела на него, раскрыв рот. Он врал так легко, так естественно, что у неё закралось подозрение: этот человек вообще когда-нибудь говорит правду?

— Ясно, — Ольга Юрьевна прошла на кухню, села на стул напротив Вари, и в её позе было что-то хозяйское, уверенное. — Вы, наверное, очень талантливы, если Олег пригласил вас работать над личным проектом. Он редко кого пускает в свой дом.

— Я... — начала Варя, но Олег снова перебил.

— Варя — один из лучших молодых дизайнеров в городе, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая твёрдая уверенность, что Варя сама чуть не поверила. — Её проект для кофейни «Угол» ты видела. Помнишь, ты говорила, как там уютно?

Ольга Юрьевна подняла бровь. Этот жест — едва заметный, но выразительный — напомнил Варю отца. Так же, точно так же он поднимал бровь, когда сомневался в чьих-то словах.

— «Угол» — ваша работа? — спросила она, и в её голосе появилось любопытство, смешанное с недоверием.

— Да, — ответила Варя, и это была первая правда за этот разговор. — Я разрабатывала интерьер.

— Хорошая работа, — кивнула Ольга Юрьевна. — Особенно освещение. Я тогда подумала, что это необычно для маленького помещения.

— Я использовала систему зеркальных панелей, чтобы визуально расширить пространство, — Варя говорила и чувствовала, как к ней возвращается уверенность. О работе она могла говорить часами, это была её стихия, её территория. — И спектр ламп подобран так, чтобы создать эффект дневного света независимо от времени суток.

— Интересно, — Ольга Юрьевна смотрела на неё внимательно, и в этом взгляде уже не было недоверия, только профессиональный интерес. — А чем вы занимались до этого?

Разговор незаметно перетёк в профессиональное русло. Варя рассказывала о своих проектах, о подходах к дизайну, о том, что её вдохновляет. Ольга Юрьевна слушала, задавала вопросы, и Варя постепенно расслаблялась, забывая, что сидит на чужой кухне в мужской рубашке. Она говорила о том, что любила, и это делало её свободной.

Олег стоял у окна, скрестив руки на груди, и наблюдал. В его глазах Варя заметила что-то похожее на удивление — словно он не ожидал, что она сможет так легко держаться.

— Вы, кажется, действительно разбираетесь в своём деле, — подвела итог Ольга Юрьевна, когда Варя закончила рассказывать о последнем проекте. — Олег, у тебя хороший вкус на специалистов.

— Я знаю, — коротко ответил он.

Ольга Юрьевна посмотрела на сына, потом снова на Варю, и в её взгляде промелькнуло что-то, отчего у Вари внутри всё сжалось. Улыбка. Тёплая, понимающая, почти материнская улыбка.

— Вы знаете, — сказала она, обращаясь к Варю, — я очень рада, что Олег наконец-то... — Она запнулась, подбирая слово. — Нашёл человека, с которым ему комфортно работать. Он всегда был слишком закрытым. Даже для архитектора.

— Мама, — предостерегающе произнёс Олег.

— Что? — она подняла руки в примирительном жесте. — Я просто говорю, что рада. Ты слишком много работаешь, слишком мало отдыхаешь, и если у тебя появился человек, который помогает тебе с проектами, это замечательно.

Варя почувствовала, как у неё отлегло от сердца. Кажется, Ольга Юрьевна поверила в легенду о дизайнере. Или сделала вид, что поверила.

— Олег, — мать повернулась к сыну, и её голос стал деловым, — раз уж я здесь, давай обсудим ужин в субботу. Твой отец хочет пригласить Верещагиных. У них дочь закончила университет, очень перспективная девушка...

— Мама, — Олег перебил, и в его голосе послышалось раздражение, которого он не пытался скрыть. — Мы уже говорили. Мне не нужны знакомства с дочерьми твоих знакомых.

— Но ты даже не хочешь посмотреть...

— Я сказал нет.

Ольга Юрьевна вздохнула, и в этом вздохе была усталость человека, который ведёт безнадежную битву.

— Олег, тебе тридцать два года, — сказала она, и голос её стал мягче, почти умоляющим. — Я хочу внуков. Твой отец хочет внуков. Мы не вечны.

— Я понимаю, — Олег говорил спокойно, но Варя чувствовала напряжение, которое пульсировало в воздухе. — Но это не значит, что я буду жениться на первой встречной, которую вы с отцом выберете.

— Никто не говорит о первой встречной, — возразила Ольга Юрьевна. — Но ты даже не даёшь шанса...

— Я дам шанс, когда буду готов. Не раньше.

На секунду в кухне повисла тишина — тяжёлая, почти осязаемая. Варя сидела, стараясь дышать как можно тише, и чувствовала себя лишней, чужой на этом семейном празднике.

Ольга Юрьевна первой нарушила молчание. Она поднялась, поправила идеальный воротник блузки и посмотрела на сына с выражением, в котором смешались любовь и разочарование.

— Хорошо, — сказала она. — Я не буду настаивать. Но, Олег, подумай. Мы не требуем от тебя ничего невозможного. Просто... будь открыт. Кто знает, может быть, счастье ближе, чем ты думаешь.

Её взгляд скользнул по Варю, задержался на секунду, и в этом взгляде было что-то, от чего у Вари перехватило дыхание. Не подозрение — нет, скорее... надежда. Словно Ольга Юрьевна вдруг увидела в ней не просто дизайнера, а нечто большее.

— Я поеду, — сказала женщина, направляясь к выходу. — Варя, была рада познакомиться. Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Я... да, — пробормотала Варя, поднимаясь. — Мне тоже было приятно.

Ольга Юрьевна остановилась в дверях, обернулась.

— И ещё, — сказала она, глядя на Варю, и в её голосе послышалась едва заметная усмешка. — Рубашка вам очень идёт. Цвет ваш.

Она вышла, и дверь за ней закрылась с мягким щелчком.

Варя стояла посреди кухни, чувствуя, как её колотит крупная дрожь. Только сейчас, когда опасность миновала, она осознала, как сильно испугалась. Как сильно ей было стыдно. Как сильно она хотела провалиться сквозь землю.

— Твоя мать знает, — выдохнула она, поворачиваясь к Олегу. — Она всё поняла. Про рубашку... она знает.

— Знает, — спокойно подтвердил Олег, и Варя почувствовала, как внутри всё обрывается.

— И ты спокоен?!

— Абсолютно.

Он прошёл к столу, сел, жестом приглашая её сделать то же самое. Варя осталась стоять, вцепившись в спинку стула.

— Ты хочешь объяснить, что здесь происходит? — спросила она, и голос её дрожал. — Кто ты? Почему у твоей матери есть ключи от твоей квартиры? Почему она врывается сюда без предупреждения? И почему ты назвал меня дизайнером, когда мы...

— Когда мы что? — Олег поднял на неё глаза, и в них не было насмешки, только спокойное ожидание.

Варя замолчала. Она не знала, как закончить эту фразу. Когда мы познакомились вчера? Когда я была пьяна и ты нёс меня на плече? Когда я спала в твоей постели в его рубашке?

— Когда мы незнакомы, — наконец сказала она. — Мы незнакомы, Олег. А ты только что представил меня своей матери как своего дизайнера. И она мне поверила. Или сделала вид, что поверила. Я не понимаю.

— Садись, — повторил Олег, и в его голосе появились нотки, которые не терпели возражений.

Варя села. Не потому, что он приказал, а потому, что ноги больше не держали.

Олег молчал несколько минут. Он смотрел куда-то в окно, и в его лице было что-то отстранённое, словно он собирался с мыслями, решая, с чего начать. Варя ждала, сжимая в ладонях остывшую кружку.

— Моя мать — замечательная женщина, — наконец сказал он, и в его голосе послышалась теплота, которую Варя не слышала раньше. — Она любит меня. Слишком сильно, возможно. И её главная мечта — увидеть меня женатым и счастливым. С внуками, желательно двумя.

— Звучит не так ужасно, — осторожно заметила Варя.

— Не ужасно, — согласился Олег. — Если бы эта мечта не превратилась в навязчивую идею. Последние три года она знакомит меня с «подходящими» девушками. Дочери партнёров, подруги подруг, какие-то дальние родственницы знакомых. Каждый ужин, каждая встреча, каждый звонок — «Олег, я тут познакомилась с одной чудесной девушкой...»

— И что в этом плохого? — спросила Варя, хотя уже догадывалась. — Может быть, она просто хочет, чтобы ты был счастлив.

— В том-то и дело, — Олег повернулся к ней, и его глаза были серьёзны, — что она хочет, чтобы я был счастлив по её сценарию. И эти девушки... они не плохие. Некоторые из них даже интересные. Но каждый раз, когда я смотрю на них, я понимаю, что они приходят не ко мне. Они приходят к фамилии Ковалёв, к компании, к статусу. Моя мать выбирает их по анкете: образование, семья, внешность. А я...

Он замолчал, и в этой паузе было что-то незащищённое, почти уязвимое.

— А я хочу, чтобы меня выбирали не за это, — закончил он тихо.

Варя смотрела на него и чувствовала, как что-то в её груди сжимается. Она понимала. Как никто другой понимала, что значит быть не человеком, а функцией. Для её отца она была активом, который можно выгодно вложить. Для матери Олега он был проектом, который нужно успешно сдать.

— Сегодня утром, когда мать застала тебя здесь, — продолжил Олег, — в моей рубашке, с мокрыми волосами... Ты не представляешь, что это для неё значит.

— Что? — насторожилась Варя. — Что я сплю с её сыном?

— Нет, — Олег усмехнулся, и в этой усмешке не было цинизма, только грусть. — Что я наконец-то проявил интерес к реальной женщине. Три года я отмахивался от всех её кандидатур, отказывался от ужинов, уходил в работу. И тут — ты. Живая, настоящая, не подобранная по анкете. Она увидела в тебе шанс.

— Шанс на что?

— На то, что я перестану быть одиноким.

Варя отвернулась к окну. За стеклом сияло утро, по набережной ехали машины, люди спешили по своим делам, и весь этот нормальный, обычный мир казался ей сейчас невероятно далёким.

— Олег, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, — я сочувствую твоей ситуации. Правда. Но я не понимаю, при чём здесь я. Я — случайная женщина, которую ты подобрал на пляже. Я даже не знаю, где буду жить сегодня вечером.

— Я могу это исправить, — быстро сказал Олег. — И не только это.

Варя подняла голову, встречаясь с его взглядом. В её глазах было подозрение.

— Что ты предлагаешь?

Олег встал, прошёлся по кухне, остановился у окна. В его позе чувствовалась неуверенность, словно он сам не до конца верил в то, что собирался сказать.

— У меня есть дом, — начал он. — Достаточно большой, чтобы в нём могло жить два человека, не мешая друг другу. У меня есть связи, которые могут помочь с твоим проектом.

У меня есть опыт ведения переговоров с людьми вроде твоего отца. И у меня есть проблема, которую ты можешь решить.

— Какая? — спросила Варя, хотя уже догадывалась.

— Моя мать, — Олег обернулся, и в его глазах горел странный, почти лихорадочный огонь. — Если она увидит, что у меня есть девушка — настоящая, серьёзная, с которой я встречаюсь, — она отстанет. Хотя бы на время. А за это время я смогу спокойно работать, жить, дышать. Без постоянного давления.

— Ты предлагаешь мне притворяться твоей девушкой? — медленно переспросила Варя. — И в обмен ты дашь мне жильё и поможешь с проектом?

— Звучит цинично, когда ты так формулируешь, — Олег поморщился. — Но, по сути, да.

— Это безумие, — выдохнула Варя. — Ты понимаешь, что это безумие? Мы не знаем друг друга. Мы встретились вчера! Я была пьяна, я орала на тебя, я...

— Ты была честна, — перебил Олег. — Ты не притворялась, не играла, не пыталась мне понравиться. Ты была собой. Настоящей. И это... — он запнулся, подбирая слова, — это дорогого стоит.

Варя замолчала. Она смотрела на этого мужчину — высокого, красивого, успешного, который стоял сейчас перед ней и предлагал сделку, как на переговорах о многомиллионном контракте. И в этом было что-то одновременно смешное и трогательное.

— Ты всегда так решаешь личные вопросы? — спросила она, и в её голосе проскользнула ирония. — Контрактами?

— Я бизнесмен, — ответил Олег с кривой усмешкой. — Я привык договариваться. Но если тебе не нравится слово «контракт», давай назовём это... взаимовыгодным сотрудничеством.

— Звучит не лучше.

— А ты цинична, — заметил Олег, и в его глазах зажглись те самые смешинки, которые Варя видела ещё утром. — Мне это нравится.

— Не старайся мне польстить, — отрезала Варя, но уголки её губ дрогнули в улыбке. — Я ещё не согласилась.

— Я и не тороплю, — Олег вернулся к столу, сел напротив, и его лицо снова стало серьёзным. — Давай разберёмся по пунктам. Твоя ситуация: ты сбежала от отца, который хочет выдать тебя замуж против твоей воли и угрожает уничтожить твой проект. У тебя нет жилья, нет гарантий, что отец не найдёт тебя и не начнёт давить. Я прав?

Варя кивнула, чувствуя, как внутри поднимается знакомая тошнота.

— Моя ситуация, — продолжил Олег, — моя мать, которая сводит меня с утра и с которой у меня нет сил бороться в одиночку. Если у меня появится девушка, она отстанет. Я смогу работать, не отвлекаясь на бесконечные «А почему ты не позвонил той милой девушке?».

— И в чём заключается сделка? — спросила Варя, уже понимая, что согласится. Потому что выхода у неё не было. Потому что он предлагал то, что ей было нужно. Потому что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.